

И. С. Ряховская

РЕПАТРИАЦИЯ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ НА МАТЕРИАЛАХ РУССКОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛА П. Н. ВРАНГЕЛЯ. 1920–1923 гг.

*Работа представлена кафедрой отечественной истории нового и новейшего времени
Воронежского государственного педагогического университета.*

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Т. В. Филоненко

В статье на основе анализа обширного комплекса архивных материалов, мемуарной литературы освещается вопрос о русской военной эмиграции (на материалах Русской армии П. Н. Врангеля и гражданского населения). Предпринята попытка осветить численный состав репатриантов, политику Франции, советского руководства и командования армии в данном процессе.

This article covers the field of Russian military emigration. The article is based on the extensive studies of archival documents and the analysis of memoirs literature (on the materials of the Russian Army General P.N. Wrangell and civilian population). There has been an attempt to illustrate the number of the repatriates, the France's policy, the policy of the Soviet authorities and the General Headquarters to the process of the repatriation.

В истории русской военной эмиграции особое место занимает вопрос о репатриации. В начале 1921 г. политический курс руководства РСФСР в отношении отдельных категорий лиц, эмигрировавших за гра-

ницу, претерпел некоторые перемены. Документальным подтверждением этому стала опубликованная 29 января 1921 г. в газете «Правда» статья председателя Центрального эвакуационного комитета по делам

пленных и беженцев А. В. Эйдука «Требуется разрешения». В статье говорилось о том, что «...в настоящее время настал момент изменить отношение к русским, принадлежащим к трудовым элементам, находящимся за пределами России, искренне желающим вернуться на Родину...»¹.

Представленный в статье материал не был подкреплен правовыми актами ВЦИК, регламентирующими правила возвращения эмигрантов на Родину. В связи с этим о единой политике и стратегии в данном вопросе не могло идти и речи.

Из-за отсутствия в руководстве страны общего политического курса по отношению к соотечественникам, желающим возвратиться на Родину, возникли многочисленные трудности при появлении парохода с репатриантами, бросившего якорь в порту Новороссийска в феврале 1921 г. Данному событию предшествовала планомерная деятельность руководства Французской республики.

В конце 1920–начале 1921 г. французское правительство предприняло первые осторожные шаги, имевшие целью избавить себя от забот о военных и гражданских беженцах из России, снять с себя ответственность за их дальнейшую судьбу. Причины такого поведения было несколько. Во-первых, дислокация вблизи стратегически важных проливов и практически незащищенного Константинополя значительных контингентов Русской армии, хорошо обученных, опытных и частично вооруженных, заставляла союзное командование с большой серьезностью и трепетом относиться к любым проявлениям активности с их стороны. Из рассекреченных данных советской агентурной разведки стало известно, что официальные власти Англии и Франции заключили секретный договор. В соответствии с его условиями правительство Французской республики обязалось предпринять все возможные меры для «распыления» частей Русской армии и ликвидации ее лагерей на территории Турции и на острове

Лемнос. Одним из методов «распыления» была выбрана репатриация.

Во-вторых, в январе 1921 г. во Франции произошла смена действующего правительства (пост премьер-министра занял А. Бриан, находящийся под заметным влиянием Англии). Новое правительство, в отличие от своего предшественника, скептически оценивало «рентабельность капиталовложений» в эмиграцию, так как реальных шансов на использование частей Русской армии для интервенции в Советскую Россию не было.

Таким образом, главным направлением внешнеполитического курса Парижа по отношению к Русской армии и гражданским беженцам становится их «распыление», а методом реализации данного направления – поощрение, а в отдельных случаях даже принуждение к возвращению на Родину.

Начало января 1921 г. было ознаменовано кадровыми перестановками в высшем руководстве французской администрации в Турции. 14 января генерал Ш. Шарпи подписал первый секретный приказ, характеризующий то направление, в котором он был намерен вести русские дела. Главной задачей деятельности французской оккупационной администрации была провозглашена «немедленная эвакуация на постоянное жительство русских беженцев, как военных, так и гражданских...»².

Первыми, кому посчастливилось вернуться на Родину, были донские казаки, в отношении которых французские власти в январе 1921 г. провели операцию по переселению из района Чаталджи на остров Лемнос. Несмотря на яростное сопротивление французам, казачьи части были погружены на пароходы «Решид-паша» и «Дон». В бухте Лемноса с «Решид-паши» на берег вышла только небольшая группа офицеров. Организовавшиеся в пути казаки категорически заявили прибывшему на борт представителю французского командования о своем нежелании сходить на берег и предъявили требование об отправке в Россию. Было

дано разрешение и оплачена работа капитана корабля за рейс Лемнос – Новороссийск. Пассажиры судна «Дон» были успешно переселены на остров Лемнос³.

8 февраля 1921 г. Верховный комиссар Франции в Константинополе генерал М. Пеллэ получил из МИДа соответствующие полномочия на организацию репатриации. В военных лагерях на острове Лемнос и в Галлиполи была объявлена запись всех желающих уехать на Родину. Около трех тысяч человек: 1500 гражданских беженцев и примерно столько же казаков дали согласие на возвращение в Советскую Россию. В течение недели эмигранты были погружены на пароход «Решид-паша», конечным пунктом которого стал порт Новороссийск. Условий для приема такого числа людей в Новороссийске не было. Пароход был переадресован в Севастополь. Данное событие нашло «живой отклик» на страницах периодических изданий. Вот как оно описывается в газете «Красное Черноморье» от 1 марта 1921 г.: «На прибывшем в Новороссийск турецком транспорте “Решид-паша” доставлено из Константинополя около 3600 человек казаков, военнопленных, чиновников, офицеров и женщин... Все прибывшие высажены в Новороссийске по пунктам дальнейшего следования...»⁴

19 февраля 1921 г. премьер-министр Франции А. Бриан в письме военному министру Л. Барту подчеркивал, что правительство очень заинтересовано в репатриации русских беженцев и «...считает, что должны быть использованы все средства для ускорения и благоприятствования данного процесса...»⁵.

Действия французского правительства вызвали возмущение со стороны П. Н. Врангеля и его ближайшего окружения. В соответствии с распоряжениями Главнокомандующего Верховное руководство Русской армии и популярные эмигрантские периодические издания развернули широкую пропагандистскую кампанию против возвращения в Советскую Россию⁶. Однако

отношение самого Врангеля к репатриации нельзя рассматривать как однозначно отрицательное, как это традиционно трактуется в мемуарной и исследовательской литературе. Стремясь сохранить части Русской армии, сократить расходы на их содержание и улучшить снабжение войск, П. Н. Врангель считал приемлемым постепенное избавление от наименее «стойкого элемента» и возвращение на Родину гражданских лиц. Комплекс сохранившихся архивных документов свидетельствует о том, что в Генеральном штабе главнокомандующего и правительственных учреждениях при нем разрабатывались планы репатриации, изучались настроения солдат и офицеров, подсчитывалось возможное количество реэмигрантов⁷.

С другой стороны, осознание П. Н. Врангелем того, что официальное одобрение возвращения на Родину внесло бы полную дезорганизацию в армейскую среду, и без того разлагаемую самим пребыванием в лагерях, и как следствие этого, прекращение финансирования и окончательное «распыление» воинских частей, определило политический курс руководства Русской армии в будущем.

14 марта 1921 г. Верховный комиссар Французской республики в Константинополе сообщил генералу Врангелю о том, что его правительство приняло решение отправить в Советскую Россию новую партию эмигрантов. М. Пеллэ предложил П. Н. Врангелю от имени эмигрантов выбрать один из трех вариантов: возвратиться на Родину, уехать в Бразилию или обеспечить себе самостоятельное существование⁸.

Барон Врангель направил на имя генерала М. Пеллэ ответное послание с жалобой на деятельность французских властей в Константинополе по принуждению русских военных эмигрантов к возвращению в Советскую Россию и письмо маршалам Франции с протестом против репатриации оккупационным командованием казаков с острова Лемнос и мер, которыми это достигается⁹. Письма и прокламации генера-

ла П. Н. Врангеля не имели серьезного воздействия на французские власти.

25 марта комендант острова Лемнос генерал Бруссо, исполняя постановление командира оккупационного корпуса генерала Ш. Шарпи о необходимости организации эвакуации русских военных и гражданских беженцев в Россию или в другие страны, подписал соответствующий приказ. Его основные положения повторяли текст официального заявления Верховного комиссара Франции в Константинополе М. Пеллэ от 14 марта¹⁰.

Приказ произвел на эмигрантов гнетущее впечатление. «...Из уст в уста, от казака к казаку, стоустой молвой разнеслось по лагерю – кормить бросают и роковое “Совдепия”, Бразилия или собственное иждивение в Константинополе...»¹¹

В целях пропаганды в военные лагеря были направлены специальные отряды и опубликовано обращение к Русской армии. В нем говорилось о том, что все, кто попытается повлиять на деятельность отрядов, будут отвечать перед правительством Французской республики.

В результате предпринятых мер 31 марта 1921 г. в Одессу на пароходе «Решид-паша» были доставлены 3700 военнослужащих Русской армии генерала П. Н. Врангеля¹².

С апреля рейсы из Константинополя в Одессу или Новороссийск стали регулярными. Оккупационное командование убеждало беженцев, что советское правительство приняло репатриантов хорошо, никаких репрессий по отношению к ним применено не было. Более того, французские агенты распространяли слухи о благополучном положении в России, об улучшении экономической ситуации, прекращении всякого сопротивления большевикам и, наконец, о скором прибытии большого числа советских пароходов, которые заберут всех желающих возвратиться на Родину.

Активному притоку из Константинополя новых партий репатриантов способствовала и деятельность руководства Совет-

ской России и Украины, хорошо осведомленных через разведку РККА о реальных условиях жизни и настроениях эмигрантов. По словам вернувшегося в Россию в 1921 г. капитана Б. Н. Войнаховского, «...о продолжении борьбы с советской властью мало кто думает, за исключением лиц, близких к штабам. Может быть, их будет 10%. Остальные понимают беспочвенность борьбы и не желают быть врагами Родины... Все живут только Россией... Желают вернуться 80%...»¹³.

Советские агентурные органы, в соответствии с распоряжениями своего правительства, проводили планомерную работу в центрах дислокации русской эмиграции. Была организована доставка в турецкую столицу агитационной литературы на русском и греческом языках. Широко использовали письма репатриантов из России и Украины о «великолепном» с ними обращении местных властей, организовывали митинги для прибывших на Родину эмигрантов и т. п.

Однако анализ архивных документов по данному вопросу свидетельствует о том, что политический курс советского правительства в отношении эмигрантов не был последовательным, хорошо продуманным. Так, 5 апреля 1921 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) были приняты два взаимоисключающих друг друга документа: «О невозможности возвращения на территорию РСФСР врангелевцев» и «Обращение советского правительства к руководителям Советов, правительствам зарубежных стран и редакциям газет в связи с возвращением на Родину репатриантов из Константинополя»¹⁴.

Несмотря на реальное противоречие декларируемой политики советского правительства, приток в страну репатриантов продолжался. 8 мая 1921 г. в НКВД РСФСР поступила секретная телеграмма. Ее автор – помощник командующего 6-й армией Пени – сообщал, что на рейде Константинополя на пароходе «Решид-паша» находится 1500 военных и гражданских эмигрантов¹⁵. Они просят советское

руководство дать официальное разрешение на их въезд в Россию.

Рассуждая о таком важном явлении и процессе, как репатриация, нельзя оставить без внимания два вопроса: амнистирование военнослужащих, эмигрировавших из России, и деятельность за рубежом советских спецслужб. Первый вопрос является крайне запутанным и противоречивым. Его решение тормозило отсутствие в руководстве страны общего политического курса по отношению к эмигрантам.

3 ноября 1921 г. Президиум ВЦИК РСФСР постановил объявить амнистию отдельным категориям военнослужащих, находящимся за рубежом и желающим возвратиться на Родину¹⁶. Это вызвало непродолжительную волну репатриантов в Россию.

В начале 1922 г. органы, ответственные за исполнение постановления ВЦИК от 3 ноября 1921 г., начали активную работу. 10 февраля ВЧК подписала секретный приказ о порядке применения амнистии к бывшим белым офицерам¹⁷. В соответствии с приказом заместитель председателя ВЧК И. С. Уншлихт направил телеграмму местным органам с разъяснением требований по амнистированию военнослужащих белых армий¹⁸. ГПУ НКВД разработало проект положения о порядке репатриации и эвакуации казачества и частей бывших белогвардейских армий, находящихся за рубежом. 29 сентября 1922 г. проект поступил на рассмотрение президиума ВЦИК¹⁹.

Таким образом, руководство РСФСР, преследуя свои корыстные цели, предпри-

нимало меры для решения вопроса об амнистировании представителей белогвардейских воинских формирований.

Относительно второго вопроса известно, что в конце 1921 года при непосредственном участии советских спецслужб, в центрах дислокации русской эмиграции возникают «Союзы возвращения на Родину». Они издавали газету, проводили собрания, вели индивидуальную работу в местах расселения эмиграции. В результате деятельности «Совнарода» в 1921–1923 гг. в Россию возвратились тысячи эмигрантов.

Определить точное число русских эмигрантов «крымской волны», возвратившихся на Родину в 1921–1923 гг., не представляется возможным. Отрывочные сведения, приводимые в мемуарной и исследовательской литературе, архивных документах, как правило, противоречат друг другу. Достоверно известно, что за время пребывания первого армейского корпуса в Галлиполи, его ряды покинули 3,67% солдат и офицеров, изъявивших желание вернуться в Россию²⁰. Численный состав Донского и Кубанского корпусов также претерпел изменения: на Родину возвратились не менее 10 тысяч человек. Судьба репатриантов оказалась трагичной: на Родине их ожидали расстрел или концентрационные лагеря.

Несомненно, вопрос о репатриации русской военной эмиграции нуждается в дальнейшем глубоком изучении на основании новых документов и материалов, «распыленных», как и сами эмигранты, по многим странам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русская военная эмиграция 20–40-х гг.: Документы и материалы. М., 1998. Т. 1. Кн. 1. С. 319–321.

² Главнокомандующий Русской армией генерал барон П. Н. Врангель. К десятилетию его кончины 12/25 апреля 1938 г. / А. А. Фон-Лампе. Берлин, 1938. С. 146.

³ Сагацкий И. Лейб-казаки на Лемносе // Русская армия на чужбине. Галлиполийская эпопея / Сост. доктор ист. наук. С. В. Волков. М., 2003. С. 391–392.

⁴ Русская военная эмиграция 20–40-х гг.: Документы и материалы. Т. 1. Кн. 1. С. 325.

⁵ ЦХИДК. Ф. 198. Оп. 17. Д. 399. Л. 319.

⁶ ГАРФ. Ф. 5928. Оп. 1. Д. 147. Л. 18–18 об.

⁷ ГАРФ. Ф. 6021. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–91.

⁸ ГАРФ. Ф. 5928. Оп. 1. Д. 147. Л. 18–18 об.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

⁹ Русская военная эмиграция 20–40-х гг.: Документы и материалы. Т. 1. Кн. 1. С. 342–344.

¹⁰ Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920–1921 годах // Русская армия на чужбине. Галлиполийская эпопея / Сост. С. В. Волков. М., 2003. С. 304.

¹¹ Там же. С. 309–310.

¹² Русская военная эмиграция 20–40-х гг.: Документы и материалы. Т. 1. Кн. 1. С. 412.

¹³ Там же. С. 120–121.

¹⁴ Там же. С. 346–347.

¹⁵ Там же. С. 415.

¹⁶ Там же. С. 356–358.

¹⁷ Там же. С. 360–361.

¹⁸ Там же. С. 359–360.

¹⁹ Там же. С. 376–378.

²⁰ Русские в Галлиполи: Сб. статей. Берлин, 1923. С. 453.